

Трофимов Евгений Александрович

кандидат политических наук,
доцент кафедры философии
Дальневосточного государственного
аграрного университета

СУБИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

Аннотация:

*Вертикализация политических отношений усилила процесс утраты массовыми политическими партиями своего институционально-функционального предназначения. В работе утверждается, что в условиях гибридного политического режима политические партии существуют как субституты гражданского общества и выполняют инструментальные функции, связанные с сохранением моноцентрической системы политических отношений. Решение проблемы субинституционализации российских политических партий связывается с демократизацией политических отношений, политико-правовой трансформацией политических партий в гражданские структуры без «особого» политического статуса – *par in parem*, нивелирующего транзакционные издержки.*

Ключевые слова:

политические партии, моноцентризм, авторитаризм, государство, партизация, декоративная демократия, делегативная демократия, гражданское общество, оппозиция, централизация.

Trofimov Evgeny Aleksandrovich

PhD in Political Science, Assistant Professor,
Philosophy Subdepartment,
Far Eastern State Agrarian University

SUB-INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL PARTIES IN RUSSIA

Summary:

*The vertical orientation of political relations has intensified the loss of institutional and functional missions by the public political parties. It is argued that in the context of a hybrid political regime the political parties exist as substitutes of the civil society and perform instrumental functions aimed at preservation of the monocentric political system. Resolution of the issue of sub-institutionalization of the Russian political parties lies in democratization of political relations, and political and legal transformation of the political parties into the civil institutions without “special” political status – *par in parem*, that would level out the transaction costs.*

Keywords:

political parties, monocentrism, authoritarianism, state, party, decorative democracy, delegation democracy, civil society, opposition, centralization.

Современную российскую политическую систему от политических систем англо-американского и европейско-континентального типа отличает моноцентризм. Возникнув во времена становления централизованного Российского государства, моноцентризм всегда был характерен для российских политических отношений, но в разные исторические периоды степень его проявления была различной. После периода властной дезорганизации начала – середины 1990-х гг. моноцентризм отчетливо проявился в период президентства В.В. Путина.

Усиление моноцентризма в «нулевые» проходило в формате укрепления «вертикали» власти, которое сопровождалось институциональными и функциональными трансформациями, достаточно подробно описанными в политологической литературе [1; 2; 3; 4; 5; 6].

На взгляд многих политологов, созданная В.В. Путиным «вертикаль» управления де-факто привела к укреплению его личного властного потенциала, существенно ослабив институциональный вес, а также влияние на политические процессы других государственных и негосударственных агентов [7; 8; 9]. Как отмечают А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк, «...у “царя горы” просто нет интересов, нет мотивации, которая побуждала бы его к формированию качественных институтов управления и сколь-нибудь демократических практик» [10, с. 138]. Под влиянием моноцентрического вектора в политической, а вслед за ней и в других системах начали нарастать негативные явления, а принцип лояльности стал определяющим на всех стадиях политического процесса.

Объективные последствия негативного влияния моноцентризма на функционирование политической системы государство решило нивелировать, придав политическому процессу имитацию демократической трансформации с помощью визуализации в сознании граждан важной роли институтов гражданского общества, одновременно списав на их неэффективность значительную часть дефектов сконструированной безальтернативной системы. Акцент был сделан на политические партии [11; 12].

Политические партии не играли важной роли в функционировании российской политической системы, во все времена они были если не самим государством, то его сателлитами. С укреплением управленческой «вертикали» партиям виртуально придали важную роль в российской политике. Но осуществление комплексного обновления правовой базы, затрагивающее

партогенез, привело только к воспроизводству элементов советской административной практики. Следует солидаризироваться с Ю.Г. Коргунюк, что процесс вертикализации политических отношений превратил партийную систему в псевдопартийную, лишив партии любой возможности брать под свой контроль законодательную и исполнительную государственную власть [13].

Оказавшись в условиях растущего влияния государства на все сферы социума, функционирования репрессивного партийного законодательства [14; 15], маргинализации населения, партийные лидеры были вынуждены искать опору в лице самого государства. В стремлении сохранить себя в политическом спектре и удержаться в среде необюрократии, они были обречены на конформизм и зависимость от Кремля, а сами политические партии начали утрачивать собственную идентичность и заявлять о своем центризме. Из представительных институтов, на которые они были в незначительной степени похожи ранее, современные российские политические партии трансформировались в коррупционные структуры финансово-промышленных кланов и высшей бюрократии [16]. Даже «оппозиционные» КПРФ и ЛДПР изменили свою риторику и начали декларировать лояльность первому лицу государства. Ярко это продемонстрировали инициативы лидеров названных политических партий о введении «президентской квоты» при формировании Совета Федерации ФС РФ, направленные на усиление властного потенциала главы Российского государства [17], об отказе от поддержки митингов, проводимых «внесистемной» оппозицией в середине прошлого избирательного цикла.

Как замечает В.В. Анашвили, партии превращаются в «институты, которые служат лидеру» [18], который, в свою очередь, встроен в управленческую «вертикаль» и подчинен верховному сюзеру. При этом идеологические доктрины основных российских партий всё более вызывают вопросы, а идеологический компонент всё чаще заменяется позицией политического лидера [19, с. 128–129]. Таким образом, в процессе построения управленческой «вертикали» политические партии из негосударственных институтов были превращены в один из инструментов «управляемой демократии», призванный помочь главе государства и его ближайшему окружению сосредоточить в своих руках максимум властных полномочий. При этом ни сам президент, ни члены его группы не полагаются на партии и взаимодействуют с ними только в силу понимания их инструментальной роли, заключающейся в предотвращении возможной дестабилизации политической ситуации в результате нарушения властных пропорций. Данную систему отношений О’Доннелл называл делегативной демократией, указывая на то, что партии как субъекты политической жизни игнорируются президентом, который «...изолирует себя от большинства политических институтов и организованных интересов...» [20].

Ситуацию не изменила и либерализация партийного законодательства, проведенная в ответ на массовые акции протеста, последовавшие после выборов депутатов Государственной думы 2011 г.: в условиях полного контроля Кремлем ключевых экономических субъектов политические партии не способны претендовать на самостоятельность. Нестабильность российской финансово-экономической системы также усиливает влияние Кремля на политические партии, так как заставляет олигархические группы идти на более тесный диалог с главой Российского государства, способного минимизировать инфраструктурные издержки. В результате политические партии теряют своих основных спонсоров, лишаются важнейшего ресурса для выражения претензий на государственную власть.

Де-факто современные российские политические партии уступили свои представительные функции государству и высшей государственной бюрократии, которые в современных условиях претендуют на адекватное решение любых региональных, местных, групповых проблем. Субинституционализация политических партий ведет к ригидности политической системы, утрате государством контроля за обществом в результате квазификации гражданских агентов и разрушению системы «обратных связей».

Решение проблемы субинституционализации российских политических партий может быть связано с формированием горизонтальных отношений в российской политике, усилением конкурентных начал в борьбе гражданских агентов за государственную власть, «мягкой» трансформацией политических партий в гражданские структуры с нивелированием их особого политического статуса. Внешняя парадоксальность последнего тезиса объясняется недопустимостью формирования искусственных политических конструкций в условиях нарастания постмодернистских трансформаций, формирующих сложную мозаику политических отношений на основе субъективизации и эмоциональной рефлексии индивидами политического бытия.

Ссылки:

1. Баранова Н.П., Романов Р.М. Парламентаризм в России: история и современность. М., 2009. 392 с.
2. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 / В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова, Н. Борисова. СПб., 2008. 368 с.

3. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / редкол.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов. М., 2011. 318 с.
4. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М., 2006. 590 с.
5. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит : аналит. докл., подготовленный по заказу московского представительства Фонда им. Эберта. М., 2004. 146 с.
6. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. 222 с.
7. Вертикаль власти: реформы российской политической системы 2000-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/vertikal-vlasti-reformy-rossiyskoj-politicheskoy-sistemy-2000-gg> (дата обращения: 10.09.2014).
8. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты [Электронный ресурс]. URL: http://www.uhlib.ru/politika/anatomija_rossiiskoi_yelity/index.php (дата обращения: 10.06.2014).
9. Кынев А.В. Региональные реформы Путина при президенте Медведеве: централизация продолжается [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 1 (81). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/1/k3.html> (дата обращения: 10.08.2014).
10. Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. «Царь горы», или почему в посткоммунистических автократиях плохие институты // Полис. 2013. № 2 (134). С. 138.
11. Панков А. «...Плюс партизация всей страны» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.directorinfo.ru/Article.aspx?id=13972&iid=628> (дата обращения: 10.09.2014).
12. Послание Президента Федеральному собранию 30 ноября 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/9637> (дата обращения: 10.09.2014).
13. Политическая система России после путинских реформ [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2005/01/27/polit_system/ (дата обращения: 20.06.2014).
14. Кынев А.В. Партии как институциональный контрафакт [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/partii_kak_institucionalnyy_kontrafakt-202113.xhtml (дата обращения: 10.09.2014).
15. Трофимов Е.А. «Партизация» политической системы и российский конституционализм: политико-правовой очерк // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (6 июня 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 143–148.
16. Трофимов Е.А. Коррупция: партийное измерение // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (6 июня 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 139–143.
17. Серегин С. Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов готовятся к политической пенсии [Электронный ресурс]. 2014. 23 апр. URL: <http://com-stol.ru/?p=13983> (дата обращения: 20.04.2014).
18. Анашвили В.В. Демократия в современном мире. Случай России (Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 года. Первый ежегодный доклад Института общественного проектирования). М., 2009.
19. Мелешкин И.Г. Идеологический фактор в современной российской партийной системе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 49. С. 128–129.
20. О'Доннелл Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс]. URL: <http://politzone.in.ua/index.php?id=388> (дата обращения: 20.06.2014).

References:

1. Baranova, NP & Romanov, RM 2009, *Parliamentarism in Russia: Past and Present*, Moscow, 392 p.
2. Gelman, V, Rizhenkov, S, Belokurova, E & Borisov, N 2008, *The reform of local government in the cities of Russia, 1991-2006*, St. Petersburg, 368 p.
3. Patrushev, SV, Aivazova, SG & Panov, PV (ed.) 2011, *Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order*, Moscow, 318 p.
4. Patrushev, SV (ed.) 2006, *Institutional Politics: Modern institutionalism and political transformation of Russia*, Moscow, 590 p.
5. Lapina, NJ & Chirikov, AE 2004, *Putin's reforms and the potential impact of regional elites analytic rep., commissioned by the Moscow representative office of Friedrich Ebert Foundation*, Moscow, 146 p.
6. Ivanchenko, AV & Lyubarev, AE 2006, *Russian elections from restructuring to sovereign democracy*, Moscow, 222 p.
7. *Vertical of power: the reform of the Russian political system of the 2000s* 2014, retrieved 10 September 2014, <<http://rusrand.ru/analytics/vertikal-vlasti-reformy-rossiyskoj-politicheskoy-sistemy-2000-gg>>.
8. Kryshchanovskaya, OV 2014, *Anatomy of the Russian elite*, retrieved 10 June 2014, <http://www.uhlib.ru/politika/anatomija_rossiiskoi_yelity/index.php>.
9. Kynev, AV 2012, 'Regional reforms under President Putin Medvedev centralization continues', *NZ*, no. 1 (81), retrieved 10 August 2014, <<http://magazines.russ.ru/nz/2012/1/k3.html>>.
10. Melville, A, Stukal, DK & Myronyuk, MG 2013, "King of the Hill", or why in post-communist autocracies bad institutions', *Polis*, no. 2 (134), p. 138.
11. Pankov, A 2014, "... Plus partization of entire country", retrieved 10 September 2014, <<http://www.directorinfo.ru/Article.aspx?id=13972&iid=628>>.
12. *Address to the Federal Assembly November 30, 2010* 2010, retrieved 10 September 2014, <<http://kremlin.ru/news/9637>>.
13. *Russia's political system after Putin's reform* 2014, retrieved 20 June 2014, <http://polit.ru/article/2005/01/27/polit_system/>.
14. Kynev, AV 2014, *Party as an institutional counterfeit*, retrieved 10 September 2014, <http://slon.ru/russia/partii_kak_institucionalnyy_kontrafakt-202113.xhtml>.
15. Trofimov, EA 2011a, "Partization" of Russian political system and constitutionalism: legal-political essay', *Social, humanitarian and jurisprudence: contemporary trends in a changing world: Materials of II International scientific and practical conf. (6 June 2011)*, Krasnodar, p. 143-148.
16. Trofimov, EA 2011b, 'Corruption: Party measurement', *Social, humanitarian and jurisprudence: contemporary trends in a changing world: Materials of II International scientific and practical conf. (6 June 2011)*, Krasnodar, p.139-143.
17. Seregin, S 2014, *Vladimir Zhirinovskiy and Gennady Zyuganov preparing for political pensions*, April 23, retrieved 20 April 2014, <<http://com-stol.ru/?p=13983>>.

18. Anashvili, VV 2009, *Democracy in the modern world. The case of Russia (Evaluation of the status and prospects of the political system of the Russian Federation in 2008 - early 2009. The first annual report of the Institute for Public Planning)*, Moscow.
19. Meleshkin, IG 2008, 'Ideological factor in modern Russian party system', *Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities*, no. 49, p. 128-129.
20. O'Donnell, G 2014, *Delegative democracy*, retrieved 20 June 2014, <<http://politzone.in.ua/index.php?id=388>>.